

ГЛАВА 1

Десантный катер «Серна» шел 30-узловым ходом, направляясь к точке высадки по крутой дуге, чтобы с берега нельзя было определить его конечный пункт назначения. Район был безопасен, как убеждали южноафриканские военные, но капитан Погодин предпочитал опираться на свой опыт и прислушиваться к своей интуиции. За шесть лет службы в спецназе ГРУ он понял главное: за всю современную тактику ведения боевых действий спецназом заплачено потом и кровью бойцов. Каждая операция, где бы она ни проводилась, пополняет этот боевой опыт, совершенствует тактику, требует новых подходов в подготовке спецназовцев. И второе, случайностей не бывает, есть только закономерности. Неудачная операция, потери в группе — закономерный результат неправильного решения командира, недооценки ситуации и противника, недоработка в подготовке своих бойцов. Даже неудачная операция — бесценный опыт, который

ИГРА ПО-ЧЕРНОМУ

изучается и анализируется. И каждая удачная операция, каждая победа — бесценный опыт, который тоже изучается, анализируется, берется на вооружение другими группами, подразделениями, лично командирами.

И сейчас Артем Погодин понимал, что высаживаться в конечном пункте назначения опасно, несмотря на то что союзники по учениям в этом регионе утверждают, что никакого риска нет. Диверсионная группа могла переместиться из одной точки в другую за несколько часов. А то, что за совместными морскими учениями ЮАР, России и Китая наблюдают как сторонники политической оппозиции в стране, так и западные спецслужбы, было очевидным и закономерным. И как результат их присутствия — выявленные факты подготовки диверсий, дискредитирующих Российскую армию. Дважды диверсантам даже удавались провокации в зоне действия китайского военного флота.

— Служат, родные! — похлопал по железу боевой рубки лейтенант Халилов. — Увидишь вот свои корабли за рубежом, которые в другой армии служат, — и на душе теплее.

Погодин бросил взгляд на смуглозагорелое лицо своего заместителя и сделал замечание:

— Не отвлекайся!

— Есть не отвлекаться, — привычно отреагировал лейтенант и снова приложил к глазам

бинокль. — В моем секторе без изменений. Готовность к высадке.

— Меняем план! — резко сказал Погодин и протянул руку, указывая на берег. — Видишь справа тридцать градусов нагромождение камней в виде башни? Снизу есть движение и отблеск. Возможно, прицел снайпера или оружия большого калибра. Возьмешь двоих — и за мысом в воду! Мы уходим на второй круг и потом высаживаемся в намеченной точке. У тебя двадцать минут, Руслан. Пошел!

Халилов, пригибаясь, чтобы с берега не было видно передвижения на десантной палубе за высокими бортами, подбежал к бойцам группы.

— Пенза, Тарзан, за мной на бак! Десантируемся в воду по команде. Зачищаем!

Командир катера понял русского командира, и катер, сойдя с дуги, стал приближаться к нужному мысу, чтобы потом снова начать удаляться от берега и уходить на второй круг. Погодин верил в Халилова, как в себя. При всей склонности к лирике лейтенант был талантливыми спецназовцем, хорошо чувствовал обстановку и умел приспособливаться к любым изменениям ситуации. Но главное, Халилов умел прекрасно действовать самостоятельно: хорошая тактическая командирская и личная боевая подготовка делали свое дело. Если при-

ИГРА ПО-ЧЕРНОМУ

каз отдан, то лейтенант его выполнит любой ценой. Можно не сомневаться. И в двадцатиминутный срок он уложится, хотя это на первый взгляд кажется почти нереальным.

Двадцать минут потребуется катеру, чтобы отойти от берега, сделать круг и снова выйти к месту высадки. За двадцать минут лейтенанту с двумя бойцами с минимальным снаряжением и боезапасом предстояло проплыть около двухсот метров, выйти на берег, преодолеть по камням и скалам чуть меньше километра. Затем в опасной точке, на которую указал командир, установить наличие диверсантов или их отсутствие. Точно установить, аргументированно, наличие или отсутствие следов! И если диверсанты и правда устроили там засаду, то группа должна быстро и эффективно уничтожить противника. И Погодин не удивился, что лейтенант взял с собой Пензу и Тарзана. Светловолосый улыбчивый крепыш Олег Донин из Пензы и коренастый здоровяк Дима Тарханов из Казани, земляк лейтенанта, были самыми выносливыми бойцами в группе капитана Погодина. Но кроме этого, каждый из них умел хорошо «работать» не только в группе, но и индивидуально. Ребята умели видеть все поле боя, а не только свой участок. А это в спецназе военной разведки одно из самых ценных качеств. И решение лейтенанта ко-

мандир мысленно одобрил. Решение напрашивалось само собой — выйти к опасному месту возможной засады с трех направлений по схеме: двое атакующих и один «прикрывающий-отвлекающий». «Раздергать» внимание противника в момент атаки, лишить его возможности оценить ситуацию, вести прицельный огонь, сбить с толку.

Артем был уверен, что Руслан выполнит приказ. И капитан может положиться на него и смело высаживаться со своей группой на берег, не боясь попасть под огонь врага. Твой приказ обязательно будет выполнен, и враг будет найден и уничтожен.

— Группа, приготовиться к высадке! — скомандовал Погодин, когда катер стал приближаться к берегу.

Капитан, не отрываясь, смотрел в бинокль. Еще минута, и он увидел, как Донин появился из-за скалы, сплюнул и уселся на камень, положив автомат на колени. Левее на открытое место вышел Халилов, поднял обе руки вверх, подав знак «чисто». Берег был уже рядом, и катер сбавил скорость. Вот заскрежетало днище по мелким прибрежным камням. Одновременно стал опускаться передний пандус, заработали двигатели квадроциклов, и первые две машины вылетели на большой скорости на берег. Отъехав от места высадки, четверо бойцов за-

ИГРА ПО-ЧЕРНОМУ

няли оборону, прикрывая своих товарищей на случай внезапного нападения.

Когда катер ушел, а восемь квадроциклов поднялись по берегу к скалам, подбежал Халилов и доложил:

— Чисто, командир. Был один наблюдатель. Лежал около часа. Думаю, он заподозрил что-то и ушел, когда вы пошли на второй круг.

— Как поняли, что лежал долго? — сразу же спросил капитан.

— Возился он там, камешки из-под себя то и дело выбирал, чтобы не впивались в тело, — пояснил Донин. — Четкая по рисунку лежка. А еще он там по малой нужде сходил. Моча высохнуть не успела.

— Ушел на машине, — доложил о своих наблюдениях Тарханов. — Наверху, на грунтовой дороге, следы колес от торможения, когда съезжал с накатанной части к скале. Судя по ширине протектора, внедорожник. Четкого следа нет, камни там. Но драндулет старый, убитый, масло капает из картера. Ушел на северо-запад.

— Так, парни, — капитан задумчиво покусал губу. — Наблюдали не зря, значит, перестраховываются. Значит, подозрения, что готовится диверсия, оправдываются. И этот наблюдатель доложит своему боссу. Телефонном или рацией он пользоваться не станет.

Они понимают, что в зоне учений мы фиксируем все электромагнитные колебания.

— Значит, его надо догнать, — усмехнулся Халилов.

— Давай, Руслан! — кивнул Погодин. — Место сбора в точке «А» у старого моста. Все! По коням!

Республика Мамуотта поразила Алену с первых минут, когда она только сошла с трапа самолета в столичном аэропорту. Перед глазами были как бы две эпохи этой африканской страны, этого народа. Старая — колониальная, нищая и зависимая, пыльная и неприглядная, как вот этот старый аэропорт. Одноэтажное здание с пыльными стеклами, латаной-перелатаной крышей и старым растрескавшимся асфальтом перед фасадом. А правее, всего в каких-то пятистах метрах, возводилось новое двухэтажное здание из стекла и бетона, которое играло отраженными лучами солнца. Несколько терминалов, удобная парковка и тенистый парк. Хиреющее, отмирающее прошлое и нарождающееся, расцветающее будущее.

В Мамуотте во многих отраслях работали российские специалисты. Врач Алена Дмитриевна Нестерова приехала, чтобы помочь организовать работу новой клиники в районе, который пока еще нельзя было назвать благополучным с многих точек зрения. Удаленность

от столицы и других крупных городов, традиционно сельскохозяйственный район, где люди уже стали забывать, что такое нормальная школа, нормальная медицина. Не современная и передовая, на это, как знала Нестерова, люди и не рассчитывали при французском «кураторстве». Не хватало врачей, медицинских пунктов первичного звена. Кое-где в сельских поселениях еще можно было найти учителя, но чаще детей собирали в чьем-то доме или под навесом, где их учил грамоте и самому простому счету кто-то из односельчан.

Сегодня в президентском дворце состоялся торжественный прием в честь очередной годовщины независимости Республики Мамуотта. Проводилось мероприятие вполне по-европейски. Смокинги, костюмы, платья дам, официанты, разносившие по залу бокалы с шампанским, стол для фуршета с обилием закусок. Если бы не черные лица президента Жана Августо Лурембо, его сподвижников и официантов, то можно было бы подумать, что прием проводится где-то в испанской Малаге или Кадисе. Похожая архитектура с преобладанием позднемавританского стиля, привнесенная в республику из арабских халифатов Северной Африки, тропическая растительность за окнами дворца, обилие фруктов на столе. Нестерова с интересом рассматривала

посуду, выполненную в национальном стиле. Многоцветный узор из расплывающихся черно-белых линий контрастировал с цветными ромбами и завитками. Здесь была и высокотехнологичная керамика, и деревянная посуда. И вся она, как теперь знала Алена, расписывалась вручную.

За последние полгода Нестерова «подтянула» свой французский, но, к ее огромному изумлению, многие чиновники республики и гости мероприятия хорошо владели, как и она, английским языком. Здесь были не только чиновники от медицины, но и кое-кто из ведущих медиков республики, представители национального образования, атташе по культуре нескольких стран. Видела Алена среди приглашенных и нескольких русских, в том числе и генерала Сафонова, руководителя российских военных советников, прибывших в страну по приглашению президента. Французский военный контингент в целом покинул страну почти год назад, но еще оставались представители, которые отвечали за вывоз имущества, передачу национальной армии военных баз.

Алена удивленно вскинула брови, когда ей улыбнулся и приветственно приподнял бокал молодой мужчина в форме офицера Французского Иностранного легиона. «Интересный тип, — подумала Нестерова. — Он-то что тут

делает? Дань дипломатическому приличию в день торжества. Что за знаки с его стороны, ведь нас друг другу никто не представлял?» Алена отвернулась и тут же замерла на месте, остановив руку с бокалом на полпути ко рту. Хорошо знакомый круглый затылок, крепкая атлетическая шея, прижатые к голове уши и первоклассная стрижка. Даже эти широкие плечи под дорогим пиджаком были знакомы. Отец!

Алена не видела отца после их разрыва, после последнего разговора на повышенных тонах. Она хлопнула дверью и ушла, а в голове все билась и металась последняя фраза, которую она бросила отцу: «Ненавижу тебя и никогда тебе этого не прощу!» А отец смотрел на нее своими холодными серыми глазами и молчал. Почему он тогда промолчал, почему не накричал, не обозвал ее? Почему не ударил после таких обвинений? И сейчас очень ясно Алена вдруг вспомнила глаза отца: они были холодными, но не жесткими, а какими-то беспомощными. Такими они бывают, наверное, у людей, которым нечего сказать, нечем возразить, которые ничего не могут сделать, ничего не в состоянии изменить.

Сказать, что Алена за эти три года сильно повзрослела, значит не сказать ничего. После этой страшной ссоры она с головой окунулась

в работу, старалась загрузить себя делом, чужой болью, чтобы не думать о своей. Она тогда сразу согласилась на поездку в Латинскую Америку, а когда в Турции произошло страшное землетрясение, без слов ринулась в эту командировку в составе группировки сил МЧС, направленных в зону бедствия. Алена сутками не отходила от операционного стола, а когда прибыли еще хирурги, она занялась помощью пострадавшему населению, лагерю обездоленных людей, медицинской помощью всем пострадавшим, размещением извлеченных из-под завалов.

А потом эта командировка в Мамуотту, где Нестеровой надлежало организовать клинику в одном из отдаленных районов. Рабочие отремонтировали старые помещения и заканчивали возведение новых. Из России уже шло оборудование, прибывали врачи из местных, обучавшихся в России, и российские волонтеры... И вот она увидела спину отца здесь, в президентском дворце, в столице республики в городе Майдозу, и прошлое просто захлестнуло. И вдруг все, что произошло, стало простым и понятным. Ну не мог отец в тот момент прилететь! Он офицер, полковник спецназа ГРУ, выполнявший важное задание за рубежом, не волен был распоряжаться собой. Да и не узнал он вовремя о гибели жены. Это потом, когда

маму похоронили, когда Алена догадалась, что у отца и мамы в последнее время были очень напряженные отношения, что родители были на грани развода. Понимание пришло потом...

— Папа! — Алена подошла и взяла мужчину за локоть, сжала пальцами и... сразу поняла, что обозналась.

Близкий человек, любимый человек, человек, которого ты знаешь всю жизнь, обладает отличительными способностями, незаметными другим признаками, по которым ты его узнаешь из тысячи в толпе, в темноте, с закрытыми глазами. И только сейчас, подойдя ближе, Алена поняла, что и плечи, и шея, и уши у этого человека другие, осанка, посадка головы не такие, как у отца, хотя и невероятно похожие. И сердце сжалось от того, что это был не отец. И когда мужчина обернулся, удивленно посмотрев на незнакомку, Алена сумела только прошептать непослушными губами:

— Sorry! I made a mistake... I was wrong...¹

И все же он был очень похож на отца до холодка в спине, мистического и страшноватого. Такой же внимательный уверенный взгляд, такие же холодные серые глаза и этот поворот головы уверенного в себе человека, привыкшего приказывать, привыкшего, что ему

---

¹ — Простите! Я обозналась... Ошиблась... (англ.)

подчиняются. И удивительно похожая фигура спортивного мужчины. Это было отвратительно, но Алена понравилась незнакомцу, и он с ходу стал делать комплименты, уверяя, что она не ошиблась, что женская интуиция сама выбрала того, к кому стремилось сердце. Пришлось выдержать паузу, ответить на несколько фраз незнакомца, оказавшегося американцем. Представившись, он назвал себя бизнесменом Стивом Далтоном.

— Я здесь пока с частным визитом, — приподняв бокал в знак приветствия и кивнув кому-то из гостей, доверительно сказал американец. — Хотел присмотреться, подумать, может быть, найти интересный инвестиционный проект. А вы, как мне показалось, врач? И судя по тому, что вы приглашены на эту церемонию, вы тоже руководите или намереваетесь руководить каким-то проектом?

— Да, я помогаю восстановить клинику для населения в провинции Нидолоди, наладить там работу врачей.

— Нидолоди? — переспросил американец. — Это на западе республики? Но там же просто царят запустение и голод?

— Вот именно, мистер Далтон, — кивнула Алена. — Там очень нужно постоянное, систематическое медицинское обслуживание, иначе санитарное состояние может выйти из-под

контроля. А там дети. И очень низкий уровень жизни.

— Да? Насколько мне известно, это чисто бюджетный проект, он финансируется из фонда и из министерского бюджета. — Далтон пожал плечами без всякого интереса и перевел разговор на другую тему. — Простите, а кто тот человек, с которым вы меня перепутали?

— Это... — Алена осеклась и не стала выдавать своих тайн. — Это просто один мой старый хороший знакомый. Никак не думала его здесь встретить, вот и удивилась. Поэтому и подошла к вам. Простите, мистер Далтон, мне нужно переговорить с руководителем департамента здравоохранения.

— Стив, зовите меня просто Стив, — улыбнулся бизнесмен. — Надеюсь, мы с вами еще увидимся, мисс Нестерова.

Крупный, широкоплечий, с массивным лбом, президент Жан Августо Лурембо восседал за столом, глядя на своих собеседников через очки в тонкой оправе. Сегодняшнее заседание было посвящено нескольким национальным проектам правительства республики. На него были приглашены влиятельные представители инвесторов, деловые иностранные партнеры. Через два кресла от президента сидел генерал Сафонов в гражданском костюме. Были среди участников встречи и французы. Сухощавый

быстроглазый мужчина с вьющимися волосами представлял французский МИД. Он изредка посматривал оценивающе на российского генерала и что-то быстро писал в блокноте. У каждого приглашенного к президенту за спиной сидели помощники. У кого один, у кого несколько человек: секретари, специалисты в каких-то областях, чье экспертное мнение могло потребоваться. У француза за спиной сидел лейтенант Французского Иностранного легиона Морис Леви. И тоже в гражданском костюме.

Павел Андреевич Сафонов знал о Леви много интересного. Да и вообще о деятельности спецслужб в этой стране. Военная разведка на территории Республики Мамуотта использовала части сил специальных операций. Туда входил и 2-й иностранный парашютный полк. И только за последние годы эта элитная часть участвовала в операции «Серваль» в Мали, в Сахели на севере Африки, в Сахаре, в Нигерии, в Стражеской операции. Побывали подразделения этой части и в Афганистане.

Чтобы получить офицерское звание во Французском Иностранном легионе, нужно иметь множество талантов. Даже лейтенантские погоны говорят о больших заслугах и боевом опыте. Но только Морис Леви здесь, на территории республики, носил лейтенантскую

форму, чтобы не привлекать к себе внимания. В легионе он был капитаном и имел немалый опыт борьбы с партизанским движением и проведения контртеррористических операций. И не случайно он все еще торчал в Майдозу при французской военной миссии, а не убрался восвояси вместе с другими французскими частями.

Встреча подходила к концу. Каждый из приглашенных продекларировал свои намерения, отметив взаимную выгоду и стремления к сотрудничеству стран исключительно в торговой и гуманитарной сферах. Французская сторона пообещала в установленные сроки передать недвижимое имущество, вывезти с территории республики движимое имущество и всех своих граждан, не имеющих постоянной аккредитации. Вялые попытки предложить напрямую сотрудничать во время передачи с российскими военными, которые, по мнению французов, займут их место в стране, были проигнорированы президентом и его советниками.

В заключение встречи Лурембо обратился к гостям с короткой, но содержательной речью. Имея прекрасное образование и владея в совершенстве тремя языками, президент тем не менее заговорил на родном. Тем самым он дал понять, что отныне другие страны должны подстраиваться под требования республики,

на территории которой они находятся, а не наоборот. Зная ситуацию в стране, Сафонов отметил для себя, что своей речью, да и вообще всей этой встречей Жан Августо Лурембо дал понять, что доверяет России как политическому партнеру и готов свое доверие доказывать и впредь. И второй вывод, который сделал российский генерал, руководитель корпуса российских военных советников, — это то, что республика приняла окончательное решение избавиться от французской зависимости. И в экономическом плане, и в военном, и в политическом.

«А ведь господа французские разведчики не спешат покидать страну. И военные специалисты не спешат, — подумал Сафонов. — Хотят увидеть, как и какими силами мы сюда войдем, как станем помогать строить республиканскую армию? Ну, для этого не обязательно держать в стране официальных наблюдателей. Скорее, именно официальным ничего и не покажут. И узнать они все в деталях смогут от своих послушных прикормленных оппозиционеров. Нет, другое важно французам! Чем дольше они тут присутствуют, тем большее влияние окажут на оппозицию. Сильную, вооруженную. Те видят, что французы не все ушли, значит, слаб президент, не в состоянии выставить за дверь господ, не забывших период колониализма.

ИГРА ПО-ЧЕРНОМУ

Значит, следует сражаться, значит, есть на что надеяться! А можно еще и кое-что оставить после себя. Тайно оставить оппозиции часть оружия и боеприпасов для активизации вооруженного сопротивления. Много чего можно успеть, по-разному можно напакостить, пока ты торчишь в этой стране официально».

Состав гостей на обеде у президента говорил сам за себя. Здесь не было министров, руководителей департаментов. Лицам, присутствующим на обеде, больше подходило понятие «советники». Бывший генерал национальной армии, воевавший с колонизаторами еще в 70-х, а сейчас возглавлявший Фонд военных ветеранов. Бывший помощник по вопросам национальной культуры, помогавший несколько лет назад во время предвыборной кампании Лурембо. Был тут и руководитель движения сельского предпринимательства малоразвитых районов республики. Ни одного официального лица, и в то же время люди, которые очень хорошо ориентируются в проблемах страны, каждый в своей области. Причем ориентируются профессионально, владеют информацией из первых рук, самой свежей и объективной, во всей ее порой неприглядности.

За все время обеда, пока шел неспешный обмен мнениями, президент к русскому генералу не обратился ни разу. И только когда

в малый зал был подан кофе и некоторые из гостей получили разрешение курить, президент поднялся из кресла и подошел к окну, возле которого стоял с чашкой кофе Сафонов.

— Скажите, генерал, вы готовы высказать свое искреннее правдивое мнение?

— По какому поводу вас интересует мое мнение именно сейчас, господин президент? — спросил Павел Андреевич, намекая тем самым, что раньше он всегда говорил с Лурембо искренне и честно.

— Вы не одобряете, что я терплю французов, особенно военных в стране? Вы считаете, что я должен действовать четко и безапелляционно — выдворить их из страны в течение двадцати четырех часов?

— Это вопрос политический, а не военный, — улыбнулся Сафонов.

— Но разве армия не стоит на службе политики, не является ее инструментом? — прищурился президент, глядя в глаза русскому.

— Армия является гарантом безопасности, господин президент. И чем сильнее армия, тем важнее, что она воюет с врагами, не начиная боевых действий.

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво ответил президент. — Хотелось бы мне поскорее построить такое государство, такое общество,

где армия своим существованием остужала бы горячие головы.

— Россия поможет вам в этом, — пообещал Сафонов. — У нашего президента такая же, как у вас, мечта о своей стране, о мире в целом. Страны должны торговать, дружить, обмениваться лучшим, что у них есть в экономике, культуре, науке.

Они долго говорили о будущем армии, о подготовке офицеров. Президент задавал самые неожиданные вопросы. Генерал Сафонов понимал, что Лурембо давно и долго размышлял о своей армии, изучил опыт других стран, примеривал на свой народ те или иные концепции развития вооруженных сил. Часто Павлу Андреевичу казалось, что президент своими вопросами проверяет его на искренность. И он отвечал честно, так, как бы отвечал самому себе. Собственно, и генерал Сафонов давно по долгу службы размышлял, какими должны быть вооруженные силы Республики Мамуотта. Ориентироваться на систему службы по призыву или сразу создавать профессиональную армию?

Ситуация в республике была все еще сложной, несмотря на грандиозные политические и экономические успехи команды Жана Лурембо. Но все же до сих пор в стране сильна оппозиция, во многих регионах еще царит

беззаконие, действуют банды местных полевых командиров. Кроме того, что стране нужно поднимать и развивать экономику, ей еще нужна современная медицина. Половина территории республики — это отсталые районы, куда еще не добралась сильная рука законной власти. Формировать армию из мобилизованного населения сейчас реально и просто. Но такая армия будет ненадежной, в ней окажутся и несогласные с политикой действующего президента, и настроенные враждебно к действующей власти. Но создавать армию профессиональную только из мотивированных и верных сторонников в данных условиях невозможно. Это потребует огромных средств, которые республика не в состоянии вложить в армию. Слишком много проблем в стране и в других областях деятельности. Одна социальная проблема, пенсионная реформа, чего стоит. Значит, нужен комбинированный подход к созданию армии, более сложный. Нужные и верные части, подразделения быстрого реагирования с высокой боевой выучкой, и в то же время нужны части фронтовые, способные сражаться длительное время на позициях, если начнутся крупномасштабные военные действия. Но главное, нужны умелые командиры, знакомые с современной тактикой боя.